МИРОВАЯ КЛАССИКА

Ю. НАГИБИН

По пути в бессмертие

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впечатления советского туриста от экскурсии по Златой Праге.

- Юрий Нагибин
  - ○

Юрий Нагибин
Историческая тумба

В воскресенье нас повезли на экскурсию в Злату Прагу. В большой, комфортабельный автобус набились празднично разодетые, взволнованные, напряженно острящие язвенники, почечники, больные нарушением жирового обмена и воспалением желчного пузыря. Радовало и предстоящее знакомство с чешской столицей и то, что в этот необычный день нам будут прощены болезни, как грехи на исповеди. Мы пообедаем в ресторане, и каждый закажет себе что хочет: хоть жирное, хоть мучное, хоть жареное под острым соусом да еще сдобренное вином или пивом. В нашем разгоряченном воображении возникали шипящие бифштексы и отбивные, антрекоты и шницели, зло наперченный гуляш и сытнейший суп с кнедликами, пирожное с невесомым желтым заварным кремом и пломбир с рассыпчатым печеньем, терпковатое, типа мозельского, белое вино и тринадцатиградусное, горькое, ледяное смиховское пиво. Но друг перед другом мы, конечно, делали вид, что интересуемся лишь Национальным музеем, собором Святого Стефана, Пантеоном, Карловым мостом и, чтоб не выглядеть совсем лицемерами, милой экзотикой пражских улиц в виде горячих шпикачек — их жарят прямо на ваших глазах и, густо смазав сладковатой горчицей, закладывают в белую булку с хрустящей корочкой.

Быстро промелькнула дорога, перелистав, словно альбом с открытками, аккуратные чешские ландшафты. Увитые нежно-зеленым хмелем столбы успокоительно напомнили, что от чешского пива так не толстеешь, как от баварского, которое варится на солоде.

В Прагу мы приехали к обеденному часу. Немного побродив по центру города и полюбовавшись монументальным зданием Национального музея, мы отправились в ресторан. Ни фантасмагория лукулловых пиров, ни раблезианское обжорство, ни чревоугодие Ламме Гудзака, ни безумие масленой, жирно воспетое Яном Саксом, не могли сравниться в гастрономическом неистовстве с нашим бессильным рвением…

А затем была экскурсия по городу. Сперва мы бродили по центральным улицам, сплошь заставленным строительными лесами. Мы проходили под навесами, предохраняющими головы пешеходов от незапланированного падения кирпича или гранитной плиты. Иногда нам удавалось сделать несколько шагов по тротуару, но чаще мы шли по мостовой или деревянным

настилам, ибо тротуары были завалены досками, кирпичами, ящиками с известкой и мелом, пакетами с краской. Едко пахло и чуть пощипывало в носу, как в квартире во время ремонта. На редкость дружно подновлялась чешская столица! Кто-то пошутил: «Как же красив был этот город до землетрясения».

Затем мы отдалились от центра и попали в красивый сквер, уступами взбирающийся вверх. Здесь на каждой скамейке целовались парочки, рядом играли дети и судачили старые женщины. И чем выше, тем жарче объятие, и задумчивей лица детей, и острее косые взгляды старух, и гид круто повернул назад, так и не доведя нас до вершины.

Мы соскользнули вниз и, покрутившись по горбатым, булыжным улочкам, оказались возле реки. И был Карлов мост с каменными, будто вымазанными сажей, величавыми статуями на перилах, и прозрачная, раздольная Влтава под ним, и челноки рыболовов, удвоенные своим отражением, причем казалось, что настоящий челнок плавает кверху дном в спокойной — ни шелоха — чистой, светлой воде, а его отражение струится в мареве горячего воздуха.

И была складская, чуть плесневелая прохлада собора Св. Стефана, хотя его никогда не превращали в картофелехранилище, — высокий сумрак, обнесенный ярко-алым, иссиня-синим, червонно-золотым глухим сверканием витражей. И была нежная церковь Св. Лоретты, где, погруженное в собственный нестерпимый блеск, покоится «золотое солнце» — гордость пражан. И была восхитительная крутизна и кривизна Градчан, вдруг разом, за каким-то поворотом, кидающих тебя в ту самую улочку средневекового городка, где некогда исходил мощью и паром чешский Голем и пекарь посрамил короля.

Ждали нас и другие чудеса, но мы начали стремительно скисать, как молоко, которое забыли вынести в погреб. Изобильный обед тяжело лег на желудок, и усыпленные святой карловарской водичкой недуги угрожающе пробудились…

Все развинтилось, расстроилось в наших бедных организмах. Так разваливаются старые, давно не обновлявшиеся спектакли: актеры утрачивают связь друг с другом, невпопад бросают реплики, перевирают текст, фальшивят в каждом слове и жесте. Жара усугубляла наше скверное самочувствие. Солнце давило на плечи, пекло затылки, выгоняло из всех пор выпитое за обедом. Бледные, мокрые, тяжело дышащие, мы уже не способны были радоваться Градчанам. Недомогание заставляло нас уходить внутрь себя, как уходит улитка в свой домик. Что нам до этого собора со всеми его башнями и шпилями, благородным ажуром стен, опирающих свою грандиозную бесплотность о стройные

контрфорсы, и до этого барочного дворца с грудастыми кариатидами в мраморных венках, и до этого плоского, без оконных проемов, терпко пахнущего стариной домика под черной, как копь, черепицей, когда в каждом из нас зреют грозные тайны недугов!..

Наш гид, полный, рано обрюзгший молодой человек, с бледно-розовым лицом, обильно потеющим в глубоких морщинах лба и под очками, у основания носа, почувствовал, что мы исчезаем, оставаясь телесно возле него. Великий любитель светлого пива и жареной хрустящей картошки, он не пропускал ни одного пивного ларька и не расставался с целлофановым кулечком, распространявшим запах чуть прогорклого масла. В начале маршрута мы досаждали ему настырной любознательностью: что да как, да кто, да когда, да почему?.. О каждом здании его допрашивали так придирчиво, будто хотели это здание приобрести. Гид не понимал, зачем нам все это нужно. Больных людей выпустили порезвиться, ну, и пользуйтесь жизнью, ходите, любуйтесь, пропуская мимо ушей торопливые пояснения, — гид охотней просто помолчал бы, да ведь не за молчание ему деньги платят, — угощайтесь пивком и тонкими лепестками жареной картошечки, словом, отдыхайте, ничем себя не заботя. Так нет же! Кто построил? Когда построил? Зачем построил? Голова шла кругом!.. Гид знал, что в группе равно не было ни строителей, ни служителей культа, так какого ж черта приходить в раж при виде каждой церквушки!..

Но теперешнее равнодушие тоже не устраивало гида. Как-никак он был добрый пражанин, и, встречая в ответ на свои разглагольствования тусклый, рыбий взгляд недавних ревнителей старины, он страдал. Гид попробовал разжечь потухший костер. Он прокашлялся, налил голос металлом, а пояснения — вдохновенной выдумкой. Все здания дружно постарели и обрели особую архитектурную ценность, у каждого оказалась необыкновенная историческая судьба, со многими связались загадочные истории — «можно рассказать, если группа настаивает». Но никто не настаивал.

В конце концов он выдохся, иссяк и замолчал. Выпив в огорченной рассеянности темного пива, он вконец пал духом и безнадежно остановился на углу какого-то перекрестка. Вокруг был прекрасный отвергнутый город, в тусклом, словно придымленном небе неистовствовало солнце, тяжелым жаром дышал поплывший асфальт, и полному молодому человеку стало смертельно жаль себя, усталого, мокрого, обреченного ломиться в глухое равнодушие озабоченных лишь своим недомоганием людей. Он сказал, насмехаясь не над нами, а над собой, над

собственным бессилием: «А вон к той тумбе Швейк водил собак на прогулку», и вялым жестом показал через дорогу.

Не успел он оглянуться, как полумертвая аморфная человечья масса за его спиной обрела жизнь и движение. В обгон друг друга ринулись через дорогу язвенники, желудочники, «камненосцы», толстяки и дистрофики. Сейчас никто из нас не помнил о своих изъянах. Впивались в асфальт протекторами шин, круто тормозя, машины и мотоциклы, осадил першерона краснолицый возчик, смачно выругался вожатый трамвая, а мы оголтело мчались к заветной тумбе. И вот она перед нами, трогай, гладь ладонями шершавое каменное тело, любуйся исщербленными гранями в темных потеках от недавних собачьих визитов и нежно вспоминай румяную рожу бравого солдата, быть может, стоявшего на том же самом месте, где сейчас стоишь ты.

Вот теперь нашему гиду не на что было жаловаться, он даже как-то сник перед бурей, которую ненароком вызвал.

А у меня ком застрял в горле. Никогда еще не гордился я так своим цехом. Ведь не было никакого Швейка — пусть ныне и отыскался далекий его прототип, — значит, и тумба — мнимость. Но даже будь все это правдой, несть числа солдатам-балагурам, как несть числа тумбам — собачьим станциям, кого это волнует? Но стоило людям услышать, что к этой вот ничем не примечательной тумбе водил собак придуманный Гашеком бравый солдат Швейк, как их овеяло сопричастностью к чуду. Воображение самого грустного весельчака наделило вымысел столь полной и сильной жизнью, что он стал весомей, реальней, зримей прекрасных зданий, старинных храмов, искусных творений человеческих рук из гранита, мрамора, бронзы. Поистине «ёмче органа и звонче бубна» слово, крепче, выносливей металла и камня слово, да и творцу всего сущего предшествовало слово!..

Прага